

книге присутствует и «зиттингеровщина» — отдельные черты той же психологии, проявляющиеся в других, более полноценных людях, в периоды крутых исторических переделов.

Но все образы романа — кроме Зиттингера и его жены Мальвины, стареющей дамы, «мироносицы» фашизма — очерчены очень бегло. Крестьяне выступают в романе как единая масса, о которой автор скорее рассказывает, чем показывает ее. В изображение

национал-социалистов — Эбентолера и Шлихта — автор вложил больше иронии, чем настоящего гнева.

Зато несомненно удался автору чуть намеченный образ художника Кестнера — нелегального работника компартии, руководителя окружной организации. Для изображения этого антипода Зиттингера автор нашел слова и краски, полные романтического лиризма, столь несвойственного его обычной манере.

Е. Книпович

ЭЖЕН ДАБИ. МАСТЕРА ИСПАНСКОЙ ЖИВОПИСИ — ГРЕКО И ВЕЛАСКЕС. Париж, НРФ, 1937 г. Eugène Dabit. — *Les maitres de la Peinture Espagnole. Le Greco — Velazquez.* Paris, NRF, 1937)

В Париже, в издательстве NRF, вышла книга о двух великих мастерах испанской живописи XVI—XVII веков, Греко и Веласкесе. Она была написана Эженом Даби, молодым французским писателем-антифашистом, умершим два года назад.

Широкая советская публика знала Даби главным образом по его романам из жизни французского «мелкого люда». Но Даби был профессиональным знатоком живописи, он сам был художником на протяжении ряда лет и особое внимание уделял испанскому искусству.

В предисловии к книге Даби указывает, что пишет эти два этюда не как профессор, архивариус или хранитель музея. Он не стремится «сохранить на своих одеждах пыль библиотек» и хочет писать об искусстве с чувством и страстью, «подобно Бодлеру».

Книга Даби — это не романтические биографии, не литературные портреты художников. Это анализ их творчества, их наиболее выдающихся работ.

Анализ Греко, художника, близкого Даби, сделан с большим чувством и ставит широкие задачи. Утонченное, своеобразное искусство Греко, впитавшего в себя влияния различных школ живописи (Византия, Венеция, Испания) и все же создавшего свой особый стиль, было «открыто» лишь в конце XIX века. Его общепризнанное значение для французских импрессионистов подчеркивается и Даби. Но Даби стремится противопоставить свою характеристику Греко тем концепциям его искусства, которые выдвигались реакционерами. В частности, он полемизирует с Барресом, пытавшимся ограничить творчество

Греко чертами аристократического мистицизма и католицизма. Даби находит в искусстве Греко черты любви к жизни, полноценности, гармонического единства мысли и формы.

Даби показывает Греко как художника, которого религиозные сюжеты не отдаляли от реальности. У него было зрение художника-реалиста. «... Если бы Греко жил сегодня, он бы рисовал сцены повседневной жизни, игроков в карты или крестьян, и он бы их ни капли не идеализировал...»

В представлении Даби Греко многосторонен, как большинство художников Возрождения. Он писал заметки об искусстве живописи, был скульптором, проектировал архитектурные сооружения. Даби ставит имя Греко рядом с именами других великих людей его эпохи, которых он, вероятно, знал, — Лопе де Вега, Гонгора, Сервантес.

Даби неоднократно подчеркивает, что он оценивает Греко не как литератора, поэта или мистика, а как художника — художника, и он любит в нем не «верующего и ясновидца», но мастера и человека. Реабилитация художника — «мастера и человека» — была задачей Даби, и его доказательства звучат искренно и убедительно.

Этюд, посвященный Веласкесу, — меньше по размеру и написан с меньшей страстностью. В первом этюде Даби полемизировал, боролся, стремился найти земное и полноценное в «неземном» искусстве Греко. Чувствуется, что великий Веласкес его трогает меньше. Но и в этом очерке Даби показывает читателю то своеобразное мастерство, которое делает столь

правдивым и жизненным творчеством Веласкеса.

Даби часто импрессионистичен, противоречив. В книге есть ряд спорных мыслей (о сюжете в живописи и др.). Но оба этюда, на-

санные так темпераментно и лирично, увлекают читателя, как художественное произведение.

Е. Г.

АНДРЭ ФИЛИПП — «СТАЛЬ». Издательство «Эдисон Сосиаль Интернациональ», 249 стр. (André Philippe, L'Acier. Editions Sociales Internationales. Paris, 1937. pp. 249)

Большинство французских премий 1937 года свидетельствовало лишь о дурном вкусе и реакционных убеждениях жюри. Премия Гонкуров, например, была присуждена политическому ренегату, ловкому дельцу — адвокату Шарлю Плинье за бульварный роман «Фальшивые паспорта». Мало отраден и выбор других «лауреатов».

На этом фоне особенно надо выделить присуждение премии «Цемент» французскому рабочему Андре Филиппу за его роман «Сталь» (премия «Цемент» ежегодно присуждается издательством «Эдисон Сосиаль Интернациональ» за лучший пролетарский роман на французском языке). Андро Филипп — рабочий-металлист. Сейчас Филиппу 30 лет, он работает на одном из автомобильных заводов. 15 лет он проработал на сталелитейном заводе Фирмини, который и изображен в его книге. Она хорошо передает напряженный темп работы на большом сталелитейном заводе. Все производственные процессы описаны с большой точностью. Значительное место занимает в книге самый технологический процесс. Филипп хочет ознакомить читателя со всеми его «тайнствами». Сталь — вот главный герой книги. Огромные паровые молоты, горны предстают в ней, как живые существа, которые не хотят покориться человеку, готовят ему всяческие подвохи.

«Горны, нагруженные углем накануне и зажженные до прихода новой смены, были заполнены отливками, железными брусками с закругленными углами. Больше пятидесяти стальных машин чудовищной мощности ревели зараз, кромсая, расплющивая, разрезая металл. Молоты паровые и пневматические, молоты простые или двойного действия, молоты английские, автоматические, молоты, приводимые в движение механически, молоты гидравлические присоединяли свои голоса к голосам молотов, колотивших по громаде наковален, к чавканью челюстей ковочных машин».

Среди этих колоссов человек чувствует себя на капиталистическом заводе маленьким и приниженным. Он чувствует себя не хозяином, а рабом, бессильным справиться с вызванными им злыми духами.

Завод, описываемый Филиппом, — это крупный сталелитейный завод компании Фирмини близ Сент-Этьена (ей принадлежат также и угольные копи, где частично развертывается действие книги). На этом крупном капиталистическом предприятии рабочий действительно существо униженное и бесправное. Каждый день происходят несчастные случаи, которых можно было бы избежать при рациональной организации труда. Госпиталь завода заполняют раненые и увечные, пострадавшие во время работы. Филипп показывает нам этот госпиталь в том виде, в каком он воспринимается сознанием 13-летнего Марселя Рош, который пришел наниматься на завод (он увеличил свой возраст, пользуясь документами старшего брата, сломавшего себе ногу во время работы на коях этой же компании).

«Марсель во все глаза глядел на раненых... Раздробленная, кровоточащая, бесформенная рука показалась из марлевой повязки... Марсель задрожал. Он увидел еще ожоги, глубокие ссадины, зашитые или взятые цапками швы, флегмоны, мучительные ногтееды, тяжелые переломы рук, ноги с отрезанными пальцами...»

Рабочий для администрации лишь номер. Даже имя его часто неизвестно. С глубоким волнением читаешь один из наиболее ярких эпизодов книги — сцену гибели итальянца-рабочего № 11.

«Брызнули искры. Фартук вспыхнул, и прежде чем тигель был опорожнен, подносчика охватило пламя. Он бросил, наконец, щипцы, кинулся к баку, но слишком поздно. Он упал, он покотился по земле, крича как раненый зверь — его товарищи пытались тряпками потушить огонь... Раненый еще извивался на земле, но его задыхающийся голос